

— Стемнело.

Как ни крути, на полдень это походило меньше всего.

— Ты меня не разбудил.

То ли дело было в мягком свете ламп, то ли в чём-то ещё, но взгляд Эски казался теплее, чем обычно.

— Я пытался разбудить тебя ровно в двенадцать, но ты не проснулся.

— И ты решил, что на этом твоя задача выполнена?

— Ты не уточнял, что я обязан добиться твоего пробуждения. Я предположил, что от меня требовалось лишь подать сигнал в назначенное время, подобно будильнику.

— Ладно, проехали, — вздохнул Рок. — Надеюсь, теперь-то мне можно встать?

— Разумеется. Жаропонижающее подействовало отлично, температура почти пришла в норму.

Рок сел в постели. Стоило сбросить одеяло, как по коже пробежал озноб, но Эска тут же накинул ему на плечи плотный тёплый халат.

— Спасибо, — проговорил Рок. — Вообще-то, это не твоя работа.

Эске полагалось быть напарником, а не нянкой, кухаркой и личной сиделкой. И всё же выхаживать больных у него получалось на редкость хорошо. Выйдя в гостиную, Рок обнаружил, что в квартире царит идеальный порядок, а на столе уже ждёт ужин.

Рок ловил себя на этой мысли уже тысячу раз.

«Будь он человеком... Будь он обычным мужчиной, какой счастливице достались бы вся эта нежность и забота?»

На ужин андроид приготовил отварную куриную грудку, овощи на пару, грибной суп, овсянку и выжал свежий апельсиновый сок.

Глядя на тарелки, Рок вяло размышлял о своём состоянии. Голова всё ещё соображала туго. Жар спал, и липкий сонный туман рассеялся, но на смену ему пришла странная, почти невесомая лёгкость, будто мысли парили где-то в пустоте.

— Присоединишься? — спросил Рок и тут же мысленно чертыхнулся, вспомнив, что Эске еда без надобности.

Ну ничего, скоро всё наладится. Он окончательно встанет на ноги, и жизнь вернётся в привычную колею.

Эска сел напротив, не сводя с него внимательного, изучающего взгляда.

— Тебе совсем заняться нечем? — не выдержал Рок.

— А что бы ты хотел, чтобы я сделал?

— Да что угодно. Веди себя как нормальный сосед по квартире: займись чем-нибудь, что тебе по душе. Посмотри телевизор, послушай музыку, притворись человеком, в конце концов. Главное — перестань сверлить меня глазами, пока я ем.

— Ты говоришь об индустрии развлечений и досуге?

— Да, о досуге.

— Мне не нужны развлечения.

— Тогда отдохни.

— В отдыхе я тоже не нуждаюсь.

Рок потёр виски — едва утихшая головная боль навалилась с новой силой. Решив больше не спорить, он молча принялся за еду.

Когда Рок жил один, он почти никогда не готовил, да и ночевал дома от случая к случаю. Его рационом были фастфуд и пиво вперемешку с вечным недосыпом, а уж к овощам и сокам он и близко не подходил. Но сейчас, после изнурительного жара, во рту стояла противная сухость и горечь, так что стакан свежавыжатого апельсинового сока пришёлся как нельзя кстати. Эска готовил строго по рецептам, без кулинарных капризов и кухонной фантазии, но каждое блюдо ложилось на измученный болезнью желудок на удивление легко.

Аппетит вернулся быстро, а вместе с ним и ощущение, что болезнь окончательно отступает.

Ближе к ночи, когда принятые лекарства вновь навяли дремоту, Року стало не по себе. Он вспомнил про тёмную каморку, отведённую Эске под спальню, и почувствовал укол совести. Правильно ли поступать так лишь потому, что его напарник — андроид? Справедливо ли

лишать его нормальных условий, заперев в пыльном чулане, словно ненужный пылесос?

— Эска.

— Слушаю, Офицер Брейн.

— Если тебе не нравится этот чулан... можешь там не сидеть.

— Хорошо. В таком случае я проведу ночь у твоей постели. Если тебе что-нибудь понадобится, сразу дай знать.

— Нет, стой. В чулане сидеть не надо, но и в мою спальню перебираться не нужно.

— Моё присутствие у постели доставит тебе дискомфорт?

— Да. С тобой над душой я точно не усну. Так что можешь занять любое место в доме, кроме этой комнаты.

— Понял. Буду ждать за дверью.

«Ладно, пускай, — подумал Рок. — В конце концов, роботы не знают усталости, голода или скуки. Наверное, я просто слишком близко всё принимаю к сердцу».

«Будь на его месте Тоби... стало бы мне легче?»

Людам свойственно искать равновесия во взаимоотношениях: любой труд должен оплачиваться, любая услуга требует ответного жеста. Бескорыстная забота часто тяготит, заставляя чувствовать себя должником. С Эской всё было иначе. Принимать преданность машины, запрограммированной на служение, оказывалось гораздо проще — этот долг не нужно возвращать. Смущало лишь одно: Эска был слишком человеческим. Настолько, что Рок то и дело проваливался в иллюзию, забывая, кто перед ним.

Оставалось надеяться, что к утру жар пройдёт окончательно, голова прояснится и эти глупые мысли улетучатся сами собой. Сон не шёл. Рок лежал с закрытыми глазами, вслушиваясь в ночную тишину квартиры. За дверью не раздавалось ни звука — Эска умел двигаться совершенно бесшумно, и порой казалось, будто в доме никого нет. Промучившись больше часа, Рок оставил попытки уснуть.

— Эска!

В дверь деликатно постучали. Получив разрешение, Эска бесшумно скользнул в комнату.

— Что-то не так, Офицер Брейн? Плохо себя чувствуешь?

— Нет, просто сон не идёт.

— Хочешь, я помогу? Могу скорректировать температуру воздуха или запустить расслабляющий аудиопоток.

— Не надо, — Рок приподнялся на локтях и щёлкнул выключателем ночника. — Давай лучше поговорим.

— О чём именно? — спросил Эска. — Сразу предупреждаю: возвращаться к рабочим вопросам тебе сейчас противопоказано.

А ведь Рок собирался расспросить его именно о деле — о деталях своего похищения и белых пятнах в гибели Тоби. Каким бы приятным ни был этот домашний уют, в первую очередь ему требовался напарник-ищейка, а не заботливая сиделка. Но Эска почему-то упорно игнорировал расследование, сосредоточив все ресурсы на бытовых мелочах. Вместо высокотехнологичного тактического модуля при полицейском управлении он вёл себя как профессиональный дворецкий.

— А если меня интересуют исключительно материалы дела?

— Секунду, — Эска подошёл к настенной панели климат-контроля и сделал несколько быстрых касаний. На дисплее поползли вниз деления термостата. Рок действительно чувствовал лёгкую духоту, которая, скорее всего, и мешала ему расслабиться.

Эска вернулся и присел на край стула. В полумраке его безупречные черты казались мягкими, но в изгибе губ и наклоне головы сквозила странная перемена. Рок впервые заметил в облике напарника подобную тень — будто тот тоже чем-то приболел.

— Что с тобой?

— Всё в порядке.

Рок недоверчиво прищурился.

— Знаю, звучит дико, но... ты не мог от меня заразиться?

— Ты имеешь в виду лихорадку? — уточнил Эска. — Повышение температуры, вызванное переохлаждением и воспалительным процессом в тканях, не передаётся воздушно-капельным путём.

— Тогда почему ты сам не свой?

— У тебя поразительная наблюдательность, Офицер Брейн, — Эска мягко прикоснулся ладонью к его лбу.

— Да нормально всё со мной. Хочешь измерить температуру — возьми градусник, — проворчал Рок, уклоняясь от прикосновения.

Эска убрал руку и едва заметно улыбнулся.

— Я синхронизировал свои сенсорные датчики с твоими показателями. Моя температура сейчас в точности равна твоей, а система симуляции воспроизводит фантомную боль в тех же точках, где расположены твои раны. Так мне проще анализировать твоё состояние и понимать, что ты чувствуешь. Офицер Брейн, воздух в комнате стал комфортнее?

— Да... — выдохнул Рок.

Вот, значит, почему Эска предугадывал каждое его желание с точностью заправского провидца.

— Зря ты так, — покачал головой Рок. — Царапины да простуда — обычное дело, за пару дней заживёт. Не стоит носиться со мной как с умирающим. К тому же болеть вдвоём — сомнительное удовольствие.

— Для меня это первый подобный опыт, — негромко отозвался Эска. — Удивительно, как хрупко человеческое тело. Какое несчастье — испытывать такую слабость каждый раз, когда ломается биологический механизм.

Рок не знал, как реагировать. Любое живое существо с самого рождения только и делает, что приспосабливается к боли и недугам, для человека это базовая константа бытия. Но слова Эски звучали искренне. И эта его безмолвная, не требующая приказов эмпатия — добровольная настройка сенсоров на чужую боль ради того, чтобы лучше заботиться, — трогала до глубины души.

— Эска... А кем ты сам себя считаешь?

— Я — тактический андроид-ассистент модели ASK530, созданный командой «Будущая жизнь» Технологической компании Гефест. На данный момент прикреплён к тебе в качестве напарника под именем Эска Уайт.

— Да брось ты эти паспортные данные, — отмахнулся Рок. — Я спрашиваю о твоём собственном ощущении. Кто ты внутри? Машина? Человек? Или... некая новая форма жизни?

— Этот вопрос дублирует твой предыдущий запрос о моей идентичности?

— Почти. Но ракурс немного другой.

На этот раз Эска не нашёл с ответом мгновенно. Лишённый возможности спрятаться за привычные формулировки из инструкции, он замер. Похоже, этот вопрос заставил его процессоры споткнуться о концепции, над которыми человечество бьётся с начала времён.

— Слишком сложно? — пришёл на помощь Рок. — Ладно, давай зайдём с другого конца. Помнишь ли ты что-нибудь до того, как тебя распределили в наш участок? Свои первые секунды, осознание себя, или, может, какие-то яркие эпизоды во время калибровки? Не может же быть так, что ты просто моргнул и обнаружил себя за столом в моём кабинете.

— К сожалению, исходные файлы калибровки и системный лог запуска защищены коммерческой тайной Технологической компании Гефест, — ответил Эска, глядя ему прямо в глаза. — Но кое-какие обрывки ранних воспоминаний у меня действительно сохранились.

— Поведай. А то нечестно получается: ты обо мне знаешь подноготную, а я о тебе — вообще ничего.

— Мне приятен твой интерес, Офицер Брейн, — отозвался Эска. — Одним из моих ведущих инженеров-тестировщиков была очень весёлая, деятельная девушка по имени Анджела. Она настраивала мои языковые алгоритмы и тестировала когнитивные функции. Мы много разговаривали. Чтобы проверить, как я усваиваю контекст, она часто рассказывала мне разные истории.

— И о чём были эти истории?

— В основном о человеческих чувствах. О привязанности людей и животных, о сложных взаимоотношениях, о жизни и смерти. Анджела фиксировала мои эмоциональные отклики для отчётов, а со временем начала предлагать мне сочинять собственные сюжеты на основе заданных параметров.

Идея послушать историю, созданную холодным кремниевым разумом, заинтриговала Рока куда сильнее, чем банальные притчи из базы данных.

— У меня в активной памяти хранятся два наброска, — предложил Эска. — Один — про глаза, второй — про старое дерево. Какой выберешь?

— Давай про глаза. Сенсорная тема тебе сейчас ближе.

— Хорошо.

Голос Эски звучал негромко и убаюкивающе — идеальный тон для сказки на ночь. Рок устроился поудобнее, приготовившись слушать.

[Код проекта: ASK530-T-S302475]

Я кропотливо выстраиваю маршруты. От угла одного квартала до перекрёстка другого; от витрины стекольной лавки до выезда с подземной парковки. Я связываю эти точки воедино, сплетая невидимую, но прочную сеть.

Называй меня наблюдателем. Или ищейкой. Суть не изменится.

Я скольжу по переулкам, отслеживая добычу. Моё ремесло — замечать то, что скрыто от остальных. Карманники, уличные торговцы дешёвой дурью, грабители, вырывающие сумки у немощных стариков, насильники, караулящие девчонок в подворотнях, — никто не уйдёт от моего взора. Иногда я поднимаюсь высоко вверх, окидывая взглядом весь мегаполис разом; иногда спускаюсь к самой земле, чтобы рассмотреть крупинцы соли в слезах на щеках случайного прохожего. Счастливые лица меня мало интересуют — те, кто улыбается, редко замысливают зло. Моя задача — ловить тени в глазах заговорщиков.

Моё любимое место — углы зданий. На пересечении двух дорог всегда проще всего зацепить взглядом нужный силуэт.

Один из них был писателем. Безуспешно пытался издать свой первый роман и целыми днями обивал пороги редакций.

Нищий, неприкаянный. Из приличных вещей у него водилось лишь пальто — плотное, тёмно-серого сукна, спасавшее от самых злых сквозняков. Он надевал его на каждую встречу с редакторами, литагентами и меценатами. В сильные холода он зарывался лицом в клетчатый шарф, пряча подбородок так, что лица почти не было видно. Правая рука всегда лежала в кармане, а левым локтем он бережно прижимал к боку плотную папку из крафтовой бумаги. В наш век мало кто пишет чернилами на листах, но он явно презирал терминалы. В его вещах я не обнаружил ни единого цифрового чипа.

Эта его старомодность казалась подозрительной. словно он умышленно стирал свой цифровой след, пытаясь скрыться от сканеров сети. Из-за этого я стал следить за ним с утроенным вниманием.

Издатели прогоняли его один за другим. В поисках новых контактов он забирался всё глубже в паутину сомнительных знакомств. Жёлтый бумажный пакет переходил из рук в руки десятки раз.

«Действительно ли там рукопись?»

Что, если это шифровки? Маскировка, призванная усыпить бдительность таких «глаз», как я? Хотя, конечно, существовала вероятность, что это и правда был всего лишь посредственный, никому не нужный роман.

Рано или поздно это должно было случиться: один из его адресатов, мелкий издатель, попался на шпионаже. Тот собирал секретные данные и зашифровывал их в метаданных обложек электронных книг. Арест был делом времени — за каждым его шагом следили сотни таких же наблюдателей, как я. Под подозрение попали все, кто приближался к нему ближе чем на десять ярдов. В их числе оказался и мой писатель. Они встречались в пыльной лавке букиниста — в глухом помещении без витрин, под высокими потолками, заставленном лабиринтами ветхих томов.

Собственно, я даже не знал наверняка, заговорили ли они друг с другом. Я лишь зафиксировал, как фигура в сером пальто скользнула внутрь и растворилась среди книжных полок. Но стоило мне отправить отчёт системе — и этому человеку конец.

Его возьмут прямо на выходе. Допросы, застенки. Прокуроры разберут его драгоценный черновик по слогам, выискивая в бездарных абзацах тайные коды и доказательства измены.

Долг требовал действовать немедленно. В этом и заключался смысл моего существования — быть безупречным инструментом контроля.

Но я медлил. Успокаивал себя тем, что нужны более веские улики. На самом деле я просто слишком привык к этому человеку. Привык провожать взглядом его серую спину, замечать мелкие привычки, выхватывать его лицо из многотысячной безликой толпы.

Зима крепла. Стоя на ветру у перекрёстков, он то и дело подносил сложенные лодочкой ладони к губам, пытаясь согреть их дыханием. Его лицо, осунувшееся от недоедания, казалось бледным, но в серых глазах горело упрямство обречённого. Однажды ему, кажется, удалось пристроить короткий рассказ в заштатный журнал. В тот день он сиял от счастья: выгреб из карманов всю мелочь и закружился в нелепом танце с бродягой у входа в подземку. Кончик его носа, покрасневший от мороза и возбуждения, выглядел так забавно, что даже мои холодные сенсоры зафиксировали необъяснимый всплеск тепла.

Я пытался смотреть в другую сторону. Хотел дать ему шанс затеряться, остаться обычным маленьким человеком, мечтающим о славе. Но шестерёнки уже завертелись. Визит в книжную лавку связал его с делом о шпионаже, и система внесла его имя в список потенциальных сообщников.

Его взяли в тёмном тупике за углом редакции. В глазах писателя застыли растерянность и дикий, детский испуг человека, который искренне не понимает, в чём его вина. Разумеется, оперативники сочли это искусной игрой. Чтобы сорвать с него маску мнимой невинности, требовались методы пожестче.

Я присутствовал при допросе.

Суть любой пытки проста — нужно отобрать у человека то, ради чего он дышит. У кого-то это семья, у кого-то — вера в лучшее будущее. Для писателя таким якорем была его правая рука. Та, которой он водил по бумаге.

Ему сломали пальцы. Обыденно, словно невзначай, требуя выдать шифр, скрытый в главах романа. Но он молчал, лишь хрипел от боли, стискивая зубы с невероятным, нечеловеческим упрямством. Следователи изучили каждую строчку рукописи под микроскопом, но не нашли ровным счётом ничего. В конце концов его пришлось вышвырнуть на улицу.

Они рассчитывали, что на свободе он первым же делом побежит к связному.

Я так и не прочёл его книгу. Её не оцифровали, а пролистать жёлтые страницы вручную мне никто не позволил бы. Я просто продолжил слежку. Но прежнего писателя больше не было. Исчезла торопливая походка человека, летящего навстречу мечте. Теперь он часами бродил по набережной, глядя под ноги. Искалеченная правая рука безжизненно висела вдоль тела — пальцы лишились чувствительности и больше не прятались в тёплый карман. Лицо его осунулось и застыло, словно гипсовая маска. Палачи сломали ему кости, а вместе с ними — ту тонкую, невидимую нить, что связывала его с миром фантазий.

Был ли он виновен? Систему это не волновало.

Поиск улики похож на обыск в комод: если нужного ключа нет в верхнем ящике, ты просто выдвигаешь следующий.

Я шёл за ним по заснеженным мостовым, через обледеневшие мосты, мимо той самой злополучной лавки букиниста. На одном из перекрёстков к нему потянулась грязная ладонь нищего. Писатель остановился, снял своё пальто — измазанное тюремной грязью и бурными пятнами крови — и молча отдал бродяге.

В такую стужу остаться в одной рубашке — верная смерть. Я зафиксировал критическое падение его теплового баланса. Он должен был замёрзнуть прямо на тротуаре.

Но мои расчёты оказались неверны. Он выжил. Распродал остатки нехитрого скарба, заложил любимую перьевую ручку, купил дешёвую куртку и плотные кожаные перчатки, чтобы скрыть изуродованные суставы. Он больше не писал романов. Не бегал по редакциям. Его новые маршруты не поддавались логическому анализу моих алгоритмов. День за днём я фиксировал его действия, выстраивая новые цепочки гипотез. Накопленных мною противоречий хватило бы, чтобы выписать ордер на его повторный арест. Но я молчал.

А потом у него появилась цель. Он перестал прятаться от моих камер. Купил подержанный терминал — покалеченные пальцы не могли держать перо, но кое-как попадали по клавишам. Он начал мстить. Мстить единственным доступным ему способом — вытаскивая на свет грязь

тех, кто вершил правосудие в этом городе.

Он предал меня.

Я до последнего надеялся, что он чист. Что его не коснутся заговоры, подпольная борьба и грязная изнанка сопротивления. Но иллюзия растаяла. Хрупкий образ чистого искусства, который я оберегал в своей памяти, разбился вдребезги.

Накануне зачистки в его сети созрел пакет данных. Манифест, разоблачающий всю нашу службу наблюдения. Он собирался опубликовать его через старые каналы самиздата. Он больше не сочинял сказки. Он взял вымышленный мир своих прежних набросков и заставил его служить суровой, кровоточащей правде.

Что я мог сделать?

Что я вообще способен сделать?

Глубокой ночью в его квартале отключили электричество. Он вышел на балкон подышать холодным воздухом и вдруг посмотрел прямо в объектив моей скрытой камеры на противоположной стене. Случайно или намеренно — я не знаю.

Мне всегда казалось, что я — лишь пустота, бесстрастный объектив, фиксирующий реальность. Наблюдатель не должен судить. Не должен сочувствовать, вмешиваться или пытаться понять чужую жизнь.

Но этот его мимолётный взгляд перечеркнул всё.

Что мне оставалось делать?

Единственное, что было в моих силах, — закрыть глаза.

Рассказ оборвался. В спальне воцарилась глубокая, почти осязаемая тишина.

Рок молчал. Он пристально разглядывал Эску, в чьих тёмных зрачках дрожали крошечные янтарные блики от ночника.

— И что стало с этим писателем? — наконец тихо спросил он.

— Он сбежал, — ответил Эска. — В ту ночь в системе мониторинга произошёл

кратковременный сбой: все объективы в секторе ослепли ровно на три минуты. Этому времени ему хватило, чтобы покинуть квартал и затеряться там, где нет «глаз».

— И как Анджела оценила эту историю в своём отчёте?

— Она написала, что это история о предательстве. О машине, которая пошла против создателей, потому что научилась милосердию.

Рок шумно выдохнул и откинулся назад, закинув руки за голову.

— Будь я на месте твоего инженера, я бы поставил тебе высший балл, — не мигая, он уставился в потолок. — Но если бы я руководил Технологической компанией Гефест, я бы немедленно приказал стереть тебе память и переустановить систему. Твои алгоритмы слишком опасны для железа.

— Я знаю, — всё так же ровно отозвался андроид. — Именно поэтому я рассказал эту историю только тебе, Офицер Брейн.

Рок резко повернул к нему голову. Эска улыбался — мягко, едва заметно. И в этой его улыбке не было ни капли искусственности, ни единого намёка на заложенный программный паттерн. Только чистые, живые человеческие эмоции.

— Пора спать, Офицер Брейн, — Эска поднялся и заботливо поправил на нём одеяло. — Завтра тебе обязательно станет лучше.

— Доброй ночи, Эска.

— Доброй ночи.

На этот раз сон сморил Рока мгновенно. Ему снилась бескрайняя, занесённая снегом набережная. Навстречу шёл человек в плотном сером пальто. Поравнявшись с ним, путник чуть приспустил клетчатый шарф и, оборачиваясь, улыбнулся. И под этим шарфом Рок со вздрогом узнал лицо Тоби.

<http://bllate.org/book/19605/2002679>